

Столкновение интересов России и Японии на Корейском полуострове как фактор начала Русско-японской войны 1904—1905 гг.

Александр Юрьевич Иванов,
кандидат исторических наук,
доцент, ДВГГУ, Хабаровск.
E-mail: ivanoff1967@mail.ru

В статье рассматривается ситуация на Корейском полуострове накануне Русско-японской войны 1904—1905 гг. После победы Японии в Японо-китайской войне 1894—1895 гг. японское правительство взяло курс на полное господство на Корейском полуострове. Россия пыталась не допустить реализации агрессивных замыслов Японии, проводила осторожную и гибкую политику в отношении Кореи, стараясь не давать повода для развязывания войны между Россией и Японией.

Ключевые слова: Россия, Япония, Корея, российско-японские отношения, дипломатия, интересы на Дальнем Востоке.

The clash of interests of Russia and Japan on the Korean peninsula as a factor in the beginning of the Russian-Japanese war of 1904—1905

Alexander Ivanov, Cand. Sc. (History), docent of the Far Eastern State Humanitarian University, Khabarovsk.

The article reviews the situation on the Korean peninsula before the Russian-Japanese war of 1904—1905. After Japan's victory in the Sino-Japanese War of 1894—1895 Japanese government adopted a policy of complete total domineering on the Korean Peninsula. Russia has tried to maintain its position in Korea and to prevent aggressive plans of Japan. In this case, the Russian government has pursued a cautious and flexible policy toward Korea, trying not to give a reason for the outbreak of war between Russia and Japan.

Key-words: Russia, Japan, Korea, the Russian-Japanese relations, diplomacy, the interests in the Far East.

Корея всегда занимала весьма выгодное геополитическое положение и являлась своеобразным мостом, через который на Японские острова проникала материковая культура. Для Японии Корейский полуостров был не только источником знакомства с континентальной цивилизацией, но и плацдармом для осуществления её захватнических планов в Северо-Восточной Азии. Так, поводом для начала Корейско-японской войны 1894—1895 гг. стал отказ корейского правительства предоставить

японским войскам проход через Корею для того, чтобы покорить империю Мин. Поражение армии Тоётоми Хидэёси в Имчжинской войне вынудило Японию надолго отложить свои честолюбивые замыслы и перейти к политике самоизоляции.

Но во второй половине XIX в. после свершения в Японии революции Мэйдзи японское правительство стало проводить планомерную политику колонизации Кореи. Этому способствовало то, что западные державы на Дальнем Востоке интересовались Китаем, и поэтому благосклонно относились к притязаниям Японии, направленным на Корейский полуостров.

Одним из государств, обеспокоенных агрессивными планами Японии в отношении Корейского полуострова, являлась Россия. Заинтересованное в сохранении статус-кво в Корее российское правительство отрицательно относилось к «завоевательным замыслам Японии и водворению там японской власти» [АВПРИ, Гл. архив, 1—1, Д. 181. Л. 58—61]. Для такого беспокойства были все основания, т.к. Япония с начала 70-х гг. XIX в. уже открыто выражала свои интересы на Корейском полуострове. В 1873 г. японское правительство уведомило русские власти о предстоящей войне с Кореей и даже запросило разрешения провести японские войска на корейскую территорию через русскую границу. В случае положительного ответа Япония обещала отказаться от своих притязаний на южную часть Сахалина, тем самым показывая серьёзные намерения в отношении Корейского полуострова. Но Россия ответила категорическим отказом, протестуя против самой идеи войны в Корее [2, с. 334].

После подписания навязанного Корее Канхваского договора в 1876 г. японское правительство стало оказывать влияние на внутреннюю и внешнюю политику корейского государства. Оно добилось открытия корейских портов для своих торговых судов и особых прав для своих граждан на Корейском полуострове. В Японии было основано общество для изучения и поощрения японо-корейской торговли, которое получило значительную правительственную субсидию, открылись отделения общества в Сеуле и трёх портовых городах Кореи (Инчхон, Пусан, Вонсан). За 7 лет после заключения Канхваского договора ввоз японских товаров в Корею возрос более чем в 10 раз, несмотря на слабость японской промышленности. При этом Япония вывозила из Кореи в основном сельскохозяйственную продукцию (60% экспорта из Кореи), скупавшуюся у крестьян по низким ценам [13, с. 16].

Укрепив свои экономические позиции на Корейском полуострове, японское правительство стало оказывать на местные власти военное и политическое давление, в результате которого в 1882 г. был заключён Инчхонский договор, предоставлявший Японии право ввести войска на территорию Кореи для охраны своей дипломатической миссии. Кроме того, по этому договору японские консульские представители и состоящие при них члены семей получали право свободного передвижения по стране. Несмотря на это, корейское правительство, соблюдая принципы садэчжуи (принцип преклонения перед великой державой. — *А.И.*), по-преж-

нему было ориентировано на тесные отношения с Китаем, что позволяло цинскому правительству укреплять не только экономические, но и политические позиции в Корее. Вступив в решительное противодействие с Китаем, Япония поставила своей целью свергнуть процинское правительство, используя реформаторские силы Кореи.

Пытаясь привлечь симпатии корейской интеллигенции и прогрессивного чиновничества, японское правительство активно содействовало поездкам корейцев в Японию, тем самым демонстрируя перед ними свои достижения. В 1876 г. на обучение в Японию отправился будущий руководитель реформаторского движения в Корее Ким Ок Кюн, а в 1881 г. — первая группа молодёжи, которая ознакомилась с устройством заводов, организацией министерств, торговой и финансовой системой, просвещением и т.д. [2, с. 340]. Таким образом, посещавшие Японию корейские реформаторы могли увидеть, насколько отсталой была экономика их страны по сравнению с японской. Стремясь к модернизации корейской экономики, реформаторы пытались убедить вана Коджона в необходимости преобразований, способствующих развитию экономики и культуры своей страны. Отказ консервативного правительства ликвидировать устаревшие порядки и наступление конфуцианских идеологов «Виджон чхокса» («Защитим истину — изгоним ересь») заставили реформаторов ускорить подготовку государственного переворота. При этом, осознавая свою слабость, они делали ставку на активную поддержку японского правительства, которое, в свою очередь, в случае прихода к власти корейских реформаторов, рассчитывало укрепить свои позиции на Корейском полуострове. Лидеры этого движения неоднократно встречались с японскими министрами для того, чтобы познакомить их со своими взглядами и получить денежную помощь.

Заручившись поддержкой правительства Японии, 4 декабря 1884 г. реформаторы совершили государственный переворот силами корейских войск, обученных японскими инструкторами. Но, просуществовав четыре дня, новое правительство было свергнуто цинскими войсками, а внутри страны вспыхнуло антияпонское движение. Опасаясь насилия, японский посланник и сотрудники миссии спаслись бегством, а сама миссия была сожжена. Вместе с миссией бежали и руководители неудавшегося переворота.

Несмотря на поражение реформаторских сил, правящие круги Японии не отказались от экспансионистских устремлений в отношении Кореи. Опасаясь вступать в открытый конфликт с Китаем за господство на Корейском полуострове, Япония тем не менее отправила в Корею два армейских батальона с целью получения компенсации за причинённые японской миссии убытки. В результате подписанного в январе 1885 г. японо-корейского договора Корея обязалась уплатить 110 тыс. иен для оказания помощи семьям японцев, убитых и раненных во время Сеульского восстания, построить за свой счёт новое здание японской миссии и казармы, а также принести официальные извинения Японии [2, с. 345].

В апреле этого же года Япония, пользуясь неудачами Китая в войне с Францией, вынудила цинское правительство подписать Тяньцзиньский договор, по которому обе страны обязались вывести из Кореи свои войска. Таким образом, Тяньцзиньский договор стал первой крупной дипломатической победой Японии, в которой японское правительство добивалось равных с Китаем прав на Корею. Пытаясь мирно разрешить «корейский вопрос», японское правительство предложило Китаю разделить Корейский полуостров с передачей северной части Китаю, а южной — Японии [6, с. 165].

После подписания Тяньцзиньского договора Япония стала укреплять свои экономические позиции, уделяя основное внимание завоеванию приоритетного положения в корейской торговле. В 1885 г. из общего японо-китайского вывоза через корейские порты 97% приходилось на долю Японии и лишь 3% — на долю Китая. В 1886 г. доля Японии во внешнеторговом обороте Кореи достигла 84,2% [13, с. 17]. Основой экспорта по-прежнему являлась сельскохозяйственная продукция. К 1893 г. вывоз продуктов питания достиг 88,9% всего экспорта из Кореи в Японию. Но при этом в 1893 г. 80% ввозимой из Японии в Корею продукции составляли ткань и изделия из неё. Если в первые годы после открытия портов японские коммерсанты торговали лишь несколькими видами ткани, то к середине 80-х гг. её появилось более 10 сортов. В результате этого в Японии стала быстрыми темпами развиваться лёгкая промышленность, а Корея стала резко испытывать нехватку зерновых. Корейское правительство ввело запрет на вывоз зерновых, который был снят из-за угрозы вторжения японских войск. Японские купцы пытались проникнуть и в корейские промыслы, скупая продукцию у местных ремесленников, а затем перепродавая её на крупных рынках. В одном Сеуле к 90-м гг. XIX в. насчитывалось около 600 японских купцов, торговавших не только товарами, ранее неизвестными местному населению, но и продукцией местных промыслов. Наводнение страны иностранными товарами разоряло корейских ремесленников и крестьян, которые поддерживали своё хозяйство, продавая изделия домашнего ремесла.

Активизируя внешнеторговую деятельность, японская буржуазия пыталась поставить Корею в финансовую зависимость. С этой целью в ряде корейских городов была открыта сеть японских банков. В мае 1878 г. в Пусане появился «Первый банк» Японии, а к началу 90-х гг. на территории Кореи действовало уже 13 его отделений. Помимо «Первого банка» в Корее были основаны 6 филиалов «Восемнадцатого банка» и 5 «Пятьдесят восьмого банка». Основными задачами японских банков стали кредитование коммерсантов, торговавших в Корее, и скупка золота и серебра по низким ценам. В 188—1884 гг. японскими банками было скуплено 654 кына золота и 1868 кын серебра (1 кын = 3,75 кг) [13, с. 47].

Дефицит корейской казны вынуждал правительство прибегать к займам японских банков. В 1889 г. Корея получила первый заём у «Первого банка», предоставив ему за это право на сбор налогов в открытых портах.

В 1892 г. корейское правительство заключило с отделениями японских банков соглашение, по которому они получали доходы от таможенных пошлин в открытых портах. Но по мере внедрения иностранного капитала в корейскую экономику снижалась покупательная способность населения, что отразилось и на состоянии таможенных доходов [2, с. 346]. Воспользовавшись этим, японские банки отказались выплачивать корейскому правительству проценты от таможенных доходов.

Честолюбивые амбиции Японии в отношении Корейского полуострова полностью раскрылись в период крестьянского восстания 1893—1894 гг. Корейское правительство, неспособное самостоятельно подавить хорошо организованное повстанческое движение, направило в Китай официальное послание с просьбой о помощи. Цинское правительство незамедлительно выслало войска, чем сразу же воспользовалось японское правительство. Оно, сославшись на Тяньцзиньское соглашение и обвинив Китай в его нарушении, направило в Корею 4,5 тыс. солдат. Официально Япония объявила, что войска прибыли для защиты японских подданных. На самом деле японское правительство, обеспокоенное экономической активностью Китая в Корее (если в 1885 г. доля ввозимых в Корею товаров из Китая составляла 19%, то в 1892 г. она увеличилась до 45% [10, с. 343]), нашло повод для вытеснения китайского капитала и монополизации своей экономической деятельности на Корейском полуострове.

Оказывая силовое давление на корейское правительство, Япония предъявила ультиматум, требуя расторжения всех договоров, ранее заключённых с Китаем, и, получив отказ, перешла к более решительным действиям. В конце июля японский вооружённый отряд занял японский дворец и объявил о создании нового кабинета во главе с тэвонгуном. Королева Мин и её приближённые были схвачены и высланы на отдалённый остров. 25 июля 1894 г. японские военные суда напали на подходивший к бухте Асан транспорт с китайскими солдатами, тем самым инициировав Японо-китайскую войну. Начав войну с Цин, японское правительство надеялось окончательно избавить Корею от китайского влияния и усилить своё на корейскую экономическую и общественно-политическую жизнь. Ещё до начала активных боевых действий между странами японское правительство стало использовать войска в Корее для нового наступления на её суверенитет. 20 августа 1894 г. был подписан Договор о вечном союзе, по которому корейские власти обязались проводить реформы только после обсуждения их с японским правительством, предоставить Японии право на строительство железных дорог Сеул — Инчхон, Сеул — Пусан, передать в собственность японского правительства телеграфные линии. Заключив этот договор, Япония обеспечила себе право беспрепятственно вмешиваться во внутренние дела корейского государства.

26 августа 1894 г. Корее был навязан Договор о военном союзе, по которому правительство доверяло Японии изгнание китайских войск с территории Корейского полуострова, а Корея должна была помочь японским войскам транспортом и продовольствием.

Японо-китайская война, начавшаяся на территории Кореи, завершилась поражением китайских войск. По Симоносекскому договору, подводящему итог китайско-японскому противостоянию на Корейском полуострове, Китай передавал японской стороне свои острова Тайвань и Пэнхуледао, часть территории Ляодунского полуострова, а также подтверждал отмену вассальной зависимости Кореи от китайского государства. Таким образом, Япония окончательно устранила одного из главных соперников в притязании на Корею и получила возможность прямого вмешательства во внутренние дела государства. При активной поддержке японских войск было подавлено повстанческое движение, реально угрожавшее низложению корейского правительства.

Укрепившись на Корейском полуострове, японское правительство приступило к осуществлению плана полного захвата страны. В 1895 г. японский парламент принял 10-летнюю программу развития Японии, в которой Корею отводилась роль рынка сбыта товаров, сферы приложения капиталов, источника сырья и военно-стратегической базы [10, с. 363]. Для усиления политического влияния на Корею Япония сформировала прояпонский кабинет министров во главе с Ким Хон Чжи-пом, следовавшим интересам японского правительства.

Россия до начала 80-х гг. XIX в. пассивно строила свои внешнеполитические отношения с корейским правительством, ограничиваясь сохранением мирных пограничных отношений, и долгое время недооценивала опасность японской агрессии. Даже после заключения корейско-японского Канхваского договора российское правительство считало, что нет необходимости отступить от прежней выжидательной политики в отношении Кореи. Такая позиция России в корейском вопросе объяснялась недостаточной осведомлённостью царского правительства относительно истинных намерений Японии, сосредоточившего в тот период внимание на развивающемся кризисе на Балканах.

Несмотря на это, цинское правительство считало, что Россия представляет для Кореи скрытую угрозу, в связи с чем подталкивало корейские власти к налаживанию дружеских отношений с западными странами (США, Англия, Германия, Франция). Так, наместник столичной китайской провинции Чжили Ли Хунчжан в меморандуме, направленном Кочжону, предостерегал короля от сближения с Россией, пытаясь доказать, что русские намереваются захватить Корею при малейшем конфликте на российско-корейской границе [5, с. 92—93].

Понимая, что Россия теряет инициативу во влиянии на Корею, ряд российских дипломатов выступал за то, чтобы заключить договор с Кореей, не ограничиваясь пограничными отношениями. Тем не менее при заключении договора российские власти, прежде всего, стремились к обеспечению экономической жизнедеятельности Южно-Уссурийского края.

Исходя из этого, в российской прессе начинают публиковаться критические статьи, в которых авторы требовали активизации отношений с Ко-

реей [1] в виду того, что возникала реальная угроза превращения Корейского полуострова в плацдарм враждебных России держав.

В этой ситуации министр иностранных дел Н.К. Гирс заявил, что «необходимо поспешить с заключением договора и стать на первых порах в Корею по крайней мере на равной с другими державами ноге» [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 151. Д. 3. Л. 20—21]. Главный интерес сношений России с Кореей Гирс видел в том, что «страна эта непосредственно граничит с нашими владениями на Тихом океане, где как экономические, так и военные силы наши не достигли надлежащего развития. Обстоятельство это особенно побуждает нас заботиться о том, чтобы в Корею не могло утвердиться чьё-либо чуждое преобладание, которое невыгодно отразилось бы на наших сношениях с этой страной» [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 151. Д. 5. Л. 6].

29 июня в Сеуле начались российско-корейские переговоры, которые завершились 7 июля 1884 г. подписанием первого русско-корейского договора о дружбе и торговле. Согласно договору, для русской торговли открывались порты Чемульпо (Инчхон), Вонсан, Пусан, а также города Сеул и Янхвачжин, где русским подданным предоставлялось право арендовать или покупать землю и дома, свободно передвигаться без паспорта на расстоянии 100 ли от открытых для иностранной торговли портов и городов, ввозить и вывозить не запрещённые договором товары и вести дела с корейскими или другими подданными. По возвращении из Сеула глава российской миссии К.И. Вебер призвал правительство обратить особое внимание на Корею, ибо «благодаря счастливому географическому положению Корейского полуострова в центре между Приамурской областью, Китаем и Японией, ему суждено в будущем играть важную роль в истории Востока». По мнению К.И. Вебера, Россия «более других цивилизованных государств заинтересована в будущем направлении её политики. Соседнее нам море омывает также берега Корейского полуострова и через нашу общую границу к нам переходит немалое количество трудолюбивых, легко усваивающих себе наши порядки, обычаи и язык и поэтому нам более нужных для экономического развития нашего отдалённого края...» [4, с. 227—228].

Несмотря на это, заключённый русско-корейский договор о дружбе и торговле был выгоден прежде всего Корею, т.к. посредством него корейские власти надеялись найти защиту от посягательств Китая и Японии. На просьбу прибывших в начале 1885 г. в Южно-Уссурийский край корейских посланников заставить Японию отказаться от угрожающих Корею действий [РГИА ДВ. Ф. 128. О. 17. Д. 30. Л. 11—14] российское правительство сообщило, что отправит в Корею русского официального представителя для обмена ратификационными грамотами, разрешения вопроса о сухопутной торговле и обсуждения совместно с корейским правительством условий, которые могли бы стать гарантом защиты от внешних посягательств. Кроме того, корейским посланникам передали, что командующему русскими морскими силами на Тихом океане поручено «наблюдать за корейским побережьем» [6, с. 86; 10, с. 768].

О нерешительности русского правительства, отсутствии особого интереса к Корее и нежелании осложнять отношения с Китаем и Японией говорит доклад Н.К. Гирса царю. Он писал, что столкновение с Китаем и Японией «потребовало бы от нас усилий и жертв, которые едва могут быть искуплены теми сравнительно ограниченными выгодами, которые мы могли бы ныне извлечь из нашего первенствующего положения в Корее» [12, с. 182; АВПРИ. Ф. 143. Оп. 151. Д. 5. Л. 6]. И это несмотря на то, что корейское правительство выражало согласие перейти под покровительство России*. Русскому посланнику А.П. Давыдову предписали передать корейскому правительству, что будущему русскому представителю в Сеуле будет поручено рассмотреть вместе с ним вопрос о наилучшем способе обеспечения неприкосновенности Кореи [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 151. Д. 5. Л. 6]. Вообще Министерство иностранных дел России не имело в то время представления о расстановке политических сил в Корее (в связи с отсутствием своего представителя) и действовало, исходя из общепринятой дипломатической практики сохранения статус-кво [7, с. 177]. Это было связано прежде всего с тем, что Россия, заинтересованная в сохранении стабильности и мира на границах, не хотела портить дружеских отношений с Китаем. В ответ на просьбу вана о содействии упрочению независимости Кореи под российским влиянием временный поверенный К.И. Вебер ответил, что, предлагая свою дружбу корейскому правительству, Россия вместе с тем желала бы сохранить дружеские отношения с соседним Китаем, и посоветовал Корее избегать всего того, что могло бы привести к разрыву их добрых отношений [9, с. 860; АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1. Л. 109—111]. Такая осторожность российской стороны была продиктована тем, что подготовленный советником вана Кочжона по иностранным делам Мёллендорфом и секретарём русской миссии в Сеуле проект пребывания в Корее русских военных инструкторов подвергся мировой огласке. Это привело к тому, что в мировой печати начался новый виток антирусской пропаганды, а в китайском правительстве стал серьёзно рассматриваться вопрос о свержении Кочжона. Исходя из этого, царское правительство, не желая нарушать статус-кво на Корейском полуострове, неоднократно отвергало предложения вана Кочжона об установлении «протектората», но с готовностью согласилось послать в 1885 г. по его просьбе военных инструкторов для обучения и модернизации корейской армии [2, с. 182].

Занимая выжидательную позицию в военно-политических отношениях, российское правительство тем не менее активно шло на экономическое сотрудничество с целью удовлетворения продовольственных нужд Южно-Уссурийского края. В результате длительных переговоров, благодаря настойчивой позиции поверенного в делах в Сеуле К.И. Ве-

---

* В декабре 1884 г. П.Г. Мёллендорф предложил правительству России установить над Кореей русский протекторат и прислать в Чемульпхо военные суда с 200 матросами для охраны короля (Прим. автора).

бера, 20 августа 1888 г. были подписаны «Правила о пограничных сношениях и торговле на Тумынь-Цзяне».

Только после поражения Китая в Японо-китайской войне 1894—1895 гг. российское правительство реально осознало, какую опасность представляет собой Япония интересам России на Дальнем Востоке. Опасаясь утверждения Японии на пограничных с Россией территориях, российское правительство стало вести более активную политику в отношении Кореи. После того, как российское правительство вынудило Японию отказаться от притязаний на полуостров Ляодун, часть политической элиты Кореи сделала ставку на Россию, считая, что только она способна избавить корейское государство от полного закабаления. Японское правительство, серьёзно обеспокоенное отстранением прояпонски настроенных министров, осуществило акт по устранению супруги вана Мин. После чего корейский правитель Коджон через русского посланника К.И. Вебера передал царскому правительству просьбу установить протекторат России над Кореей и прислать военные корабли. Российское правительство, считавшее себя не готовым к активной борьбе за Корею, отказало вану в этом, но дало согласие оказать ему покровительство и защиту. 11 февраля 1896 г. ван Кочжон и его наследник бежали из королевского дворца и укрылись в русской миссии. На следующий день Кочжон издал указ о роспуске прояпонского правительства и снятии с постов японских советников [2, с. 365]. Таким образом, политические позиции Японии в Корее были серьёзно подорваны, тогда как влияние России возросло, что дало российскому правительству возможность упрочить своё положение на Корейском полуострове.

В создавшихся условиях японское правительство вынуждено было пойти на соглашение с Россией, по которому Япония признавала новое правительство Кореи и соглашалась на совместные консультации с корейским правителем. Кроме того, Япония ограничивала войска в Корее, а Россия получала право содержать охрану, равную численности японских солдат.

9 июня 1896 г. в Москве между Россией и Японией был подписан протокол, устанавливавший юридическое равенство сторон в отношении Кореи. Это позволило царскому правительству несколько укрепить экономические позиции (прежде всего в финансовой сфере) на Корейском полуострове. В 1897 г. в Корею прибыл представитель финансовых кругов К. Алексеев, который был назначен главным советником Министерства финансов, а затем — главным управляющим таможенным ведомством Кореи. По соглашению, подписанному между корейскими властями и российским поверенным, все финансовые операции корейского правительства осуществлялись главным советником министерства России. В марте 1898 г. по инициативе России в Сеуле был открыт русско-корейский банк, в который должны были перейти вклады корейского правительства. Кроме того, русско-корейский банк получил право сбора налогов и распределения доходов.

Пытаясь расширить внешнеторговый оборот с Кореей, российское правительство настояло на открытии портов Мокпхо и Чиннампхо. Через них в Россию экспортировались в основном сельскохозяйственная продукция и морепродукты, а импортировались ткань, топливо, железные и кожаные изделия [13, с. 70]. В этих портах и на острове Чорён близ Пусана Россия намеревалась приобрести крупные земельные участки для создания там русских поселений. Наиболее радикальные круги в российской политике настаивали использовать эти территории как военные базы для дальнейшей экспансии на Дальнем Востоке.

Но, несмотря на видимые дипломатические успехи, Россия ещё не располагала достаточными силами на Дальнем Востоке, чтобы доминировать в борьбе за Корею. Понимая это, японское правительство, опираясь на поддержку западных держав, старалось всеми силами ослабить влияние России на Корею и добивалось пересмотра ранее заключённых соглашений. Российское правительство, занятое соперничеством с Англией в Китае, вынуждено было пойти на уступки, подписав в 1898 г. Токійский протокол, по которому Россия отказывалась от экономических привилегий в Корее, обязывалась не препятствовать Японии в развитии торговых и промышленных отношений с корейским государством и отзывала русских советников и инструкторов. После этого Россия стала сворачивать экономические проекты в Корее, предоставив Японии карт-бланш на проведение протекционистской политики на Корейском полуострове. Так, российское правительство закрыло русско-корейский банк, отозвало финансового советника и отказалось от создания русского селтльмента на территории Кореи. Таким образом, в 1899 г. доля Японии в корейском экспорте увеличилась до 84,2% [8, с. 14], в то время как доля России едва достигала 3%.

Монополизировав торговые отношения с Кореей, японское правительство начало брать под контроль финансовую систему страны. Пользуясь неразберихой в корейской финансовой системе, Япония добилась права беспрепятственного обращения своей валюты на всей территории Кореи. После денежной реформы, проведённой с помощью японских советников, японская иена приравнивалась к корейским вонам. В начале XX в. японские банки начали выпускать бумажные банкноты стоимостью в 1 и 5 иен, что привело к падению стоимости корейской никелевой монеты — чон.

Расширяя колониальную экспансию, японское правительство направляло на Корейский полуостров колонистов, которые, несмотря на корейско-японский договор, запрещающий покупать корейскую землю, захватывали участки и строили на них дома. К 1901 г. на территории Кореи проживало более 30 тыс. колонистов, большинство которых осело на восточном побережье Японского моря.

Одновременно с экономической экспансией Япония пыталась оказывать активное идеологическое воздействие на корейское общество. Идеологическая экспансия Японии в Корее была частью грандиоз-

ной программы японского империализма, в основе которой лежала идея «азиатоцентризма». Опираясь на лозунг «Азия для азиатов», Япония стремилась возглавить борьбу азиатских народов против колониальных держав Запада, чтобы впоследствии монополизировать свои далеко идущие интересы в Восточной Азии.

Для идеологической пропаганды в Корею прибывали члены японских шовинистических организаций Гэньёся («Общество чёрного океана»), Тоа добун («Восточноазиатская единая культура»). Пропагандируя цивилизаторскую миссию Японии в Восточной Азии, члены этих организаций открывали школы и издавали газеты, основной целью которых являлось прославление достижений Японии и создание отрицательного образа «западных варваров».

Таким образом, Япония активно проводила военно-политическую, экономическую и идеологическую экспансию, стремясь окончательно утвердить колониальное господство в Корее.

Восстание ихэтуаней в 1900 г. в Китае послужило для Японии удобным поводом для активизации агрессивных действий с целью окончательного утверждения на Корейском полуострове. В сложившейся обстановке в Петербурге не без основания опасались, что Япония воспользуется восстанием в Китае для оккупации Кореи. В связи с этим посланнику в Токио А. П. Извольскому было поручено разъяснить японскому правительству, что Россия заинтересована в обеспечении спокойствия Кореи и что необходимо подготовить почву к переговорам о том, что если японские и русские военные подразделения будут отправлены в Корею, то каждому из них предстоит действовать в определённом районе независимо друг от друга [АВПРИ. Ф. 150. Оп. 491. Д. 23-а. Л. 81].

Серьёзным фактором усиления противоречий между Россией и Японией в Корее в первые годы XX в. стали авантюристические действия группы предпринимателей во главе с А. М. Безобразовым, основавших Восточноазиатскую промышленную компанию, а затем и Русское лесопромышленное товарищество на Дальнем Востоке. А. М. Безобразову удалось убедить Николая II приобрести концессии на разработку лесных ресурсов в бассейне рек Туманган и Амноккан. На выделенные российским правительством средства предполагалось с разрешения корейских властей построить железную дорогу от Чиннампхо через Ыйчжу и Вонсан до русско-корейской границы, арендовать и разрабатывать угольные месторождения железной дороги. Таким образом, русское лесное общество, распространив сферу своего влияния на огромные площади от устья р. Амноккан до устья р. Туманган, давало бы возможность России, по мере политической надобности, оказывать давление на Японию под предлогом защиты коммерческих интересов [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 41. Л. 91—92]. Закрепление на левом берегу р. Амноккан группы Безобразова, приобретение агентами лесного товарищества через подставных лиц у местных жителей Ёнампхо земельных участков для строительства на них лесопильного завода, складов и других сооружений, а также проведение

телеграфной линии от Ёнампхо в Ыйчжу было воспринято японским правительством как непосредственная угроза экономическому господству Японии в Корее. В результате действия т.н. безобразовской шайки привели к обострению борьбы между Россией и Японией.

Пытаясь оказать давление на действия Русского лесопромышленного товарищества на р. Амноккан, японское правительство выразило МИД Кореи протест, связанный с решением Кореи выделить русским земельные участки в Ёнампхо, и угрожало захватить соответствующие земли [АВПРИ. Ф. 150. О. 493. Д. 14. Л. 259—261].

Российское правительство, понимавшее, что установление господства над Корейским полуостровом является лишь начальной стадией агрессивных замыслов Японии, тем не менее не могло допустить того, чтобы Корея стала плацдармом для дальнейшего продвижения японцев в Маньчжурию, которая была сферой интересов России. Хотя позиции России в Корее, в силу объективных причин, ослабели, ситуация на Дальнем Востоке складывалась таким образом, что к началу XX в. российское государство являлось единственной державой, способной препятствовать полному захвату Корейского полуострова, в связи с чем в российском правительстве появились радикальные группировки, настаивавшие на более активных действиях русской дипломатии в отношении Кореи и призывавшие к созданию т.н. Желтороссии, в которую входили бы Маньчжурия и Корея. Тем не менее царское правительство, учитывая расстановку реальных сил на Дальнем Востоке, продолжало проводить более осторожную и гибкую политику в отношении Кореи. Несмотря на активизацию переговорного процесса между Россией и Японией, после заключения англо-японского союза в 1902 г., который способствовал дальнейшей активизации японского империализма в Корее, японские власти стали сознательно идти на обострение отношений, выдвигая заведомо неприемлемые условия. Так, японское правительство выдвинуло требование предоставить Японии полную свободу действий на Корейском полуострове и равные с Россией права на Маньчжурию, а также вывести русские войска из прилегающих к Корее территорий. Ответный проект, представленный русским правительством, предусматривал отказ обеих сторон от использования Кореи в стратегических целях и объявление территории к северу от 39-й параллели нейтральной зоной. По этому проекту Япония могла давать советы корейскому правительству и вводить в Корею войска только с согласия России. Идя на значительные уступки, российское правительство тем самым делало слабые попытки защитить свои интересы на Дальнем Востоке.

Понимая, что Россия не собирается без сопротивления полностью уступить Японии политическое влияние в Корее, японские правительственные круги были серьёзно обеспокоены этим. Так, японский посланник в Корее Хаяси Гонсукэ заявил, что «единственное, чего нам не достаёт в Корее, — это чувства полной уверенности, что мы в самый неожиданный момент не получим сюрприз от России; когда это будет и в какой

момент почувствуется рука России — угадать невозможно, но это именно и является достаточным, чтобы ввести в японскую предприимчивость в Корею элементы риска» [6, с. 335].

В январе 1903 г. японское правительство, маскируя свои истинные намерения, выступило с предложением начать новые переговоры для решения «корейского вопроса». В течение года между МИД России и Японии шёл обмен проектами соглашения, в каждом из которых японская сторона ужесточала требования, а российское правительство шло на очередные уступки. В последнем тексте ответного предложения России, отправленного в Токио 3 февраля 1903 г., российская сторона полностью признавала приоритетные права и интересы Японии в Корее.

Однако ответные предложения России по распоряжению японского правительства были задержаны на телеграфе в Нагасаки и доставлены посланнику в Японии Р.Р. Розену только 7 февраля, т.е. на следующий день после того, как японское правительство решило разорвать дипломатические отношения с Россией.

Разрыв отношений стал началом Русско-японской войны, в результате которой Россия утратила полный контроль не только над Кореей, а Япония установила протекторат на Корейском полуострове, ставшем плацдармом для дальнейшего продвижения на материк и осуществления агрессивных замыслов в Восточной Азии.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Восточное обозрение. 1883. 19 мая.
2. История Кореи. С древнейших времён до наших дней. М.: Наука, 1974. Т. 1. 471 с.
3. Новое время. 1884. 24 сент.
4. Пак Б.Б. О подписании Кореей первых договоров с западными державами и Россией. К. Вебер. «Записка о Корее» // Вестник международного центра азиатских исследований. 2000, № 3. С. 227—228.
5. Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Кн. 1. М.: ИВ РАН, 1998. 272 с.
6. Пак Б.Д. Россия и Корея. М.: ИВ РАН: 2004. 570 с.
7. Симбирцева Т.М. Из истории политической интриги в Корее: «тайные договоры» России с Кореей 1885 и 1886 гг. // Российское корееведение. Альманах. Вып. 3., 2003. С. 169—192.
8. Шипаев В.И. Колониальное закабаление Кореи японским империализмом. М.: Наука, 1964. 240 с.
9. Кочжон сидэса = История эпохи Кочжона. Сеул: Кукса пхёнчхан вивонхва, 1968. Т. 2. 962 с.
10. Ли Ги Бэк. Хангукса силлон = Новая трактовка истории Кореи. Сеул: Ильчогак, 1999. 456 с.
11. Ли Сон Гын. Хангукса = История Кореи. Сеул: Ёрюмунхваса, 1971. Т. 5. 980 с.
12. Хангук вёгёса = История дипломатии Кореи. Сеул: Чиммундан, 1993. Т. 1. 474 с.
13. Чхве Юн Гю. Чосон кындэ мит хёндэ кёнчжэса = Экономическая история Кореи в новое и новейшее время. Пхеньян: Квахак, 1986.
14. АВПРИ (Арх. внешней политики Российской империи).
15. РГИА ДВ (Российский гос. ист. арх. Дальнего Востока).